

РЕЛИГИОЗНЫЙ ИММУНИТЕТ КАК ИСТОЧНИК ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ

Ю.Р. Ичкитидзе
доцент кафедры исследования операций в экономике имени проф. Ю.А. Львова
Санкт-Петербургского государственного экономического университета,
кандидат экономических наук
ichkitidze@reflexivity.ru

В статье рассмотрены мотивы социально-экономических и геополитических изменений происходящих в современном обществе, предпринята попытка выделить стоящие за ними глубинные ценности и смыслы. Отправной точкой анализа являются социальные протесты 2011-2012 годов, мы должны правильно понять их историческое значение. Что стояло за этими событиями? Только ли желание людей восстановить нарушенную государственной властью справедливость (коррекция неэффективного руководства путем демократии) или имелись иные, скрытые, невидимые при поверхностном рассмотрении мотивы? Пристальное внимание к отдельным обстоятельствам позволяет заключить, что между протестным движением, геополитической реальностью и религиозно-культурными (экзистенциальными) ценностями действительно существует связь, а значит, для того чтобы правильно интерпретировать происходящие события, необходимо видеть всю картину целиком. Попытке её воссоздать и посвящена эта статья. С одной стороны, мы должны учесть существующую геополитическую реальность, в которой, если следовать Зб. Бжезинскому, США действительно имеют целью установить контроль за Евразией, а Путин своей политикой этому мешает, с другой стороны, принять во внимание тот факт, что возникновение современной капиталистической системы в значительной степени произошло в результате Реформации и распространения Протестантизма [3], в то время как на территории России традиционно доминировали ценности Православия. Вырисовывающийся стык двух Христианских культур, двух разных систем ценностей, как показано в данной статье, весьма сильно определяет те процессы которые разворачиваются в современном мире, и, в частности, протестное движение.

Основная часть работы была завершена еще осенью 2013 года, прежде чем произошла неконституционная смена власти на Украине, поэтому фактическое развитие событий только подтвердило всю актуальность и глубину тех выводов, которые были получены. Выбор, перед которым мы, россияне, стоим, есть выбор между ценностями экзистенциального (смыслового) характера; только определившись в главном, мы сможем завершить текущий этап эволюции системы. В заключение статьи высказаны некоторые мысли о будущей модели экономического устройства России с учетом тех изменений, которые происходят в настоящее время. Возможности экономического развития России на основе ценностей Православной культуры сегодня мало обсуждаются. Тем не менее, интуитивный анализ свидетельствует, что двигаясь в этом направлении, мы можем обрести такой мощнейший ресурс для развития как духовность. Понимание, что эта альтернатива развития не утопическая, а вполне реальная, явилось побудительным мотивом для написания данной статьи.

Ключевые слова: устойчивое развитие, христианство, эволюционная экономика, структурные сдвиги, геополитические последствия

УДК: 330; ББК: 65.

Постановка проблемы

Социальные протесты, начавшиеся в России в 2011-2012 годах, и не прекратившиеся поныне, а только перешедшие из стадии обострения в хроническую стадию, и

сопутствующие им обстоятельства, требуют пристального научного изучения. На фоне масштабной и повсеместной коррупции, охватившей наше государство, чрезвычайного уровня централизации власти и постепенного отхода от принципов демократического государства, застоя в экономике, падения уровня общего образования и духовно-нравственного разложения, вызывает несомненное удивление тот факт, что большинство россиян не надумано, но фактически являются лояльными сторонниками нынешней власти и не присоединяются к протесту. Более того, всё духовенство, прежде всего Православное, в лице Патриарха Кирилла, прямо поддержало нынешнюю власть в лице Президента РФ В.В. Путина¹.

На первый взгляд, этот факт можно объяснить (и такого объяснения придерживаются сами участники протестного движения) низкой политической активностью россиян, их безответственностью в выборе судьбы своей страны, традициями советской эпохи, страхами репрессий и тому подобными вещами, а позицию Церкви – личными выгодами священнослужителей и процессом сращивания государства и Церкви при одновременном отдалении их от народа. Однако более пристальное изучение сопутствующих данному факту обстоятельств не позволяет принять это объяснение как истину.

Во-первых, невозможно не принять во внимание индивидуальную психологическую окраску этого протеста, его ценностный уровень. Поддержка поступка Pussy Riot (в том числе скрытая – такая как призыв не наказывать, при одновременном осуждении Церкви и власти за их арест²) и поддержка однополых браков – вот своеобразные личностные символы протеста; есть и другие наблюдения подобного рода, но более субъективные.³ Чего стоит сам факт информационной атаки на Церковь⁴ – уже в её рамках было столько лукавого написано, а протестующие этого лукавства не заметили, клюнули на него, хотя можно было только поразиться тому, насколько стары эти технологии – подобное Достоевский описывал в «Бесах» еще 140 лет назад⁵. Во-вторых, любопытно географическое распределение протеста – эпицентр протеста пришелся на Москву, самый богатый регион России, остальные россияне гораздо более пассивны. Как говорят сами протестующие, тут дело в том, что Москва – самая либеральная, просвещенная, идущая в ногу с ценностями современного мира часть России, остальные все – застойные, отсталые регионы. Но именно это «просвещение» и губит Москву, мы дальше будем говорить об этом в статье, – тенденции этого современного мира состоят в неотвратимом влиянии богатства и потребительского разнообразия на человека, своеобразном распространении религии современного капитализма, его ценностей, – вот эту религию и исповедуют протестующие на самом деле, называя это «просвещенностью». Москва наиболее сильно поражена этой религией капитализма, поражена через богатство и потому протест там наиболее активен. В-третьих, и это наиболее важный факт, – требования оппозиции, по сути, сводятся к возврату в модель развития западного образца, а именно к демократии, принуждения законом к остановке коррупции, развития институтов свободной конкуренции для развития экономики и др., что затрагивает аспекты геополитической реальности, которую мы упомянули во введении и более подробно еще опишем далее. Таким образом, протестное движение по сути своей, устроено так, что не до конца осознавая то, что оно делает, способствует геополитическому выбору в пользу США и ценностей капитализма западного образца (без понимания имеющейся альтернативы).

Значимость этих трёх обстоятельств может быть не сразу понятна читателю, а потому она требует более подробного разъяснения, которое будет дано далее в статье. Ключом к пониманию всей глубины происходящего, являются тенденции и закономерности, существующие на ценностном (экзистенциальном) уровне жизни общества, – уровне, на котором возникают мотивационные, движущие историческим развитием общества силы, определяемые ходом развития религиозных, культурных и мировоззренческих процессов. А понимание масштабов происходящих изменений становится возможным только благодаря изучению геополитической реальности современного мира.

Геополитическое предложение США

Начнем рассмотрение поставленной проблемы с изучения геополитической реальности, в условиях которой мы существуем.

Зб. Бжезинский в своей книге "Великая шахматная доска" пишет: "Долгосрочная задача (Америки) состоит в следующем: каким образом оказать поддержку демократическим преобразованиям в России и ее экономическому восстановлению и в то же время не допустить возрождения вновь евразийской империи, которая способна помешать осуществлению американской геостратегической цели формирования более крупной евроатлантической системы, с которой в будущем Россия могла бы быть прочно и надежно связана." [1]

Понять природу происхождения этой задачи для Америки можно по следующим высказываниям того же Бжезинского: "Главный политический приз для Америки - Евразия", "В совокупности евразийское могущество (Европа, Россия, Иран, Китай, Япония, Индия и др.) значительно перекрывает американское. К счастью для Америки, Евразия слишком велика, чтобы быть единой в политическом отношении", "Евразия, таким образом, представляет собой шахматную доску, на которой продолжается борьба за глобальное превосходство". "Ведущие игроки находятся в западной (Евросоюз, прежде всего Франция и Германия), восточной (прежде всего Китай и Япония), центральной (Россия) и южной (Иран, Индия) частях шахматной доски".

"Если среднюю часть (Россию) можно включить в расширяющуюся орбиту Запада (где доминирует Америка), если в южном регионе не возобладает господство одного игрока (прежде всего Иран) и если Восток (Китай и Япония) не объединится таким образом, что вынудит Америку покинуть свои заморские базы, то тогда можно сказать, Америка одержит победу. Но если средняя часть (Россия) даст отпор Западу, станет активным единым целым и либо возьмет контроль над Югом, либо образует союз с участием крупной восточной державы (Китай), то американское главенство в Евразии резко сузится. То же самое произойдет, если два крупных восточных игрока (Китай и Япония) объединятся. Наконец, если западные партнеры (Европа, прежде всего Франция и Германия) сгонят Америку с ее места на западной периферии, это будет автоматически означать конец участия Америки в игре на евразийской шахматной доске, даже если это, вероятно, будет означать, в конечном счете, подчинение западной оконечности (Евросоюз) ожившему игроку, занимающему среднюю часть (Россия)" [1].

В таких условиях, инструментами Америки для недопустимости политического и экономического объединения Евразии (по мнению Бжезинского) являются: "маневрирование, дипломатия, создание коалиций, кооптация и очень взвешенное применение политических козырей" [1]. В частности, Бжезинский говорит: "Коалиция России одновременно с Китаем и Ираном может возникнуть только в том случае, если США окажутся столь недальновидными, чтобы вызвать антагонизм и в Иране и в Китае одновременно. Безусловно, такая возможность не исключена, и действия США в 1995-1996 гг. почти оправдывали это мнение, однако ни Иран, ни Китай не были готовы связать стратегически свою судьбу с нестабильной и слабой Россией. Оба государства понимали, что любая подобная коалиция, как только она выйдет за рамки некоторой преследующей определенную цель тактической оркестровки, может поставить под угрозу их выход на более развитые государства с их исключительными возможностями по инвестициям и столь необходимыми передовыми технологиями. Россия могла предложить слишком мало, чтобы быть по-настоящему достойным партнером по коалиции антигегемонистской направленности." [1]

Таким образом, мы можем принять, что политика Америки в отношении России связана с попыткой не допустить объединения Евразии с участием или даже на основе России. Очевидно, что это нежелательный сценарий развития событий для Америки. Какой, в этой связи, была бы желательная роль России, по мнению Бжезинского? Вот что он пишет: "предпочтение отдается демократической России, тесно связанной с Европой. Возможно, демократическая Россия с большим одобрением относилась бы к ценностям, которые разделяют Америка и Европа." "Россия станет проблемой, если Америка не разработает

позицию, с помощью которой ей удастся убедить русских, что наилучший выбор для их страны - это усиление органических связей с трансатлантической Европой." "Америке весьма важно избегать политики, которая могла бы отвлечь внимание России от нужного (данного) геополитического выбора. Поэтому, насколько это возможно, отношения Америки с Китаем и Ираном следует формировать также с учетом их влияния на геополитические расчеты русских. Сохранение иллюзий о великих геостратегических вариантах может лишь отсрочить исторический выбор, который должна сделать Россия, чтобы избавиться от тяжелого заболевания". [1]

Итак, по мнению Бжезинского, именно "выбор в пользу Европы и Америки в целях получения ощутимых преимуществ" является "наилучшей" (желательной для США) альтернативой России, однако этот выбор требует: "во-первых четкого отречения от имперского прошлого", и во-вторых, никакой двусмысленности в отношении расширяющихся связей Европы в области политики и безопасности с Америкой". Учитывая мощь и могущество Америки, и предлагаемые ей ценности - права человека, демократию и благосостояние, почему бы нам, россиянам, действительно не выбрать эту "наилучшую" альтернативу?

Вопрос о ценностях

В отказе от этой «наилучшей» альтернативы и состоит тот феномен, который очень хочется назвать «феноменом Путина» – мы не соглашаемся на это предложение Америки, о чем свидетельствуют события последних 5-10 лет, результатом которых явилось протестное движение 2011-2012 годов. Возникает разумный вопрос: почему не соглашаемся, каковы мотивы?

Первое объяснение, которое приходит на ум, это традиционное объяснение протестующих – Путин и его команда узурпировали власть, им выгодно сохранять авторитарность в целях личной выгоды (наживы) (см. например отчеты Б. Немцова [6]), а народ, в таком случае, страдает из-за президента-деспота. Другие объяснения подобного рода, - отличие только в деталях - имперские амбиции России, стремление русского народа и/или государства доминировать над окружающим миром (по тем же самым причинам - больше власти, могущества в свою пользу), опасения, что американское обещание материального богатства России - это обман и т.п. Здесь движущие ценности очевидны, непонятно только почему вместо того, чтобы остановиться на большом и определенном (заработать, будучи при власти, и впоследствии комфортно существовать в рамках американской демократии), присутствует смелость пойти по собственному пути, сопряженному с большей неопределенностью и абсолютно не очевидными выгодами?

Эту вещь, можно объяснить, только если смотреть вглубь.

Глубокое изучение поставленного вопроса позволяет увидеть, что в основе данной смелости, вероятно даже не до конца осознанно, лежат Православные ценности русского народа. Во-первых, если взглядеться внимательно, то других ценностей, настолько исторически связанных с Россией, как Православие, у нас просто нет. Во-вторых, принятие столь рискованного шага, без твердой опоры на культурные ценности разделяемые большинством народа, будет такой авантюрой, на которую у хоть сколь-нибудь разумного политика не должно хватить решимости⁶.

Факт существования этой исторической связи Российского государства и Православной культуры является основной причиной, по которой невозможно согласиться с поверхностными объяснениями природы происходящих событий.

Для того, чтобы разобраться во всей глубине происходящих процессов, мы должны увидеть их мировоззренческий (смысловой) уровень – определяющие исторический ход событий мотивы и ценности. Разумеется, речь пойдет об исследовании вплоть до культурного различия в экзистенциальных вопросах, суть которых сильно определяет религия. Нам придется разобраться в существующих различиях между Восточной и Западной ветвями Христианской Церкви, а также обратить внимание на особый ход эволюции

религиозной культуры, произошедшей на Западе, и приведший к такому масштабному событию как Реформация. Затем, нам придется прислушаться к аргументам Макса Вебера [3], и для себя определить – действительно ли протестантизм сыграл решающую роль в становлении капитализма как системы и распространении «капиталистического духа» и его ценностей по всему миру?

Если мы согласимся с аргументами Вебера, то поставив религиозное мировоззрение во главу угла, совсем не сложно увидеть, что **современная система капитализма является своеобразным орудием, механизмом, распространения ценностей (а также норм поведения и принципов отношений) Западной Христианской религиозной культуры**⁷. И тогда базовое противоречие между ценностями Православия и Западной Церкви вновь выйдет на поверхность - мы становимся способными увидеть, какую роль оно играет в развитии социально-экономических процессов в современной России и том противостоянии, которое существует между западным вариантом развития капитализма (экономики) и, еще не до конца понятной, моделью нашего собственного пути развития.

Протестантская этика и дух капитализма

Рассмотрение всей глубины происходящих процессов и пояснение особой (даже ключевой) роли мировоззренческого (экзистенциального) слоя в историческом ходе событий, мы начнем с изучения эволюции Западной Христианской религиозной культуры и того, какую роль сыграла Реформация в развитии и распространении капитализма. Макс Вебер в своей работе «Протестантская этика и дух капитализма» показал "поразительную по своему значению роль кальвинизма и протестантских сект в истории развития капитализма" [3]. Ключевыми для нас являются два его аргумента:

1. «Традиционалистский уклад» жизни, т.е. когда человек не стремился всем своим существом максимизировать прибыль и рационализировать хозяйство (повысить эффективность), а имел «стремление сохранить традиционный образ жизни, традиционную прибыль, традиционный рабочий день, традиционное ведение дел» и т.п., – существовал и был массово распространен в Европе до эпохи Реформации.
2. Сила, которая нарушила этот уклад жизни, возникла в результате особой эволюции Христианских ценностей в ходе Реформации; как говорит Вебер – произошло своеобразное «вторжение нового духа», который характеризовался особым, не свойственным «традиционалистскому укладу» стремлением к рационализации профессиональной деятельности и получению большей прибыли. Этот «дух» дал импульс развитию капитализма, и при помощи механизмов рыночной конкуренции стал вытеснять прежний дух, дух традиционализма - «кто не поднимался, тот опускался», и человек был вынужден либо включиться в погоню за прибылью, либо ограничить свои потребности.

Эти два аргумента Вебера нарушают наше представление о безальтернативной природе возникновения современного капитализма. Напротив, мы видим, что «традиционалистское хозяйство» очень далеко от той модели человека, в которой цель и смысл жизни заключаются в извлечении прибыли и создании богатства, и которая очень плотно вошла в современные учебники экономической теории. Осмысливая Вебера, мы можем понять, что стремление к прибыли и индивидуальному накоплению – это, скорее, черта этого «нового духа», чем черта, исторически присущая людям Христианской Западной Европы.

Если так, если мы принимаем это массовое распространение «традиционалистского уклада» жизни в Западной Европе в период до Реформации, то не сложно увидеть, что он существенно ослаблял силу конкурентной борьбы как стимула развития капитализма, и у «традиционалистского хозяйства» не было достаточно силы, чтобы дать импульс (толчок) развитию капитализма.

Этот толчок, по Веберу, был получен именно в результате эволюции Христианства. Здесь стоит остановиться особо. Вот что любопытно, – оказывается, те движущие ценности,

тот «моторчик», на котором современный капитализм работает, имеет Христианские корни!⁸ Выше могло показаться, что разговор об экзистенциальных причинах и Христианстве, применительно к социально-экономическим проблемам современной России был «притянут за уши», а тут, внимательно изучив работу Вебера, мы действительно видим наличие Христианских корней в ценностях (каких именно – будет показано далее) современного капитализма. Как тут можно остановить наше исследование и не пойти дальше вглубь – изучить различие Восточной Христианской Церкви (Православной) от Западной? Впрочем, изучать это различие в данной статье мы не будем, – это выглядело бы немного странно в формате светской научной статьи, – этот вопрос, во многом ключевой, для понимания экзистенциального слоя рассматриваемой проблемы, мы оставляем на самостоятельное изучение читателю.

Именно этот момент – факт возникновения импульса к развитию капитализма в результате эволюции Христианства – позволяет нам переместиться с анализа социально-экономического слоя поставленной проблемы на экзистенциальный (смысловой) слой, где мы попытаемся услышать Вебера, чтобы понять резон в его словах.

Прежде всего, отметим, что Вебер указывает на «непредвиденные и даже нежелательные последствия» этой эволюции для самих реформаторов – она шла непредсказуемо, ни один человек не был в состоянии осознать/спланировать её последствия, и то, что мы видим по прошествии веков, – тот вектор (стержень) этой эволюции, – он был сформирован не волей одного человека, но общим настроем (духом), который и определял ход развития исторических событий. Вот что говорит об этом Вебер: "основатели или представители кальвинизма и других пуританских сект" вовсе не считали "целью своей жизненной деятельности пробуждение того «духа», который мы именуем здесь «капиталистическим», также как "стремление к мирским благам, – самоцелью, этической ценностью", "Спасение души, и только оно, было основной целью их жизни и деятельности" [3]. Тем не менее, "культурные влияния Реформации в значительной своей части были непредвиденными и даже нежелательными для самих реформаторов последствиями их деятельности, часто очень далекими от того, что проносилось перед их умственным взором, или даже прямо противоположными их подлинным намерениям." [3]

Во-вторых, и это видно уже из приведенной выше цитаты, не просто непредвиденная, но просто удивительная подмена ценностей на «противоположные» произошла в ходе этой эволюции, – начав со «спасения души» всё пришло к тому, что религиозные корни оказались отброшены в сторону. Как говорит Вебер, "идея по мере отмирания ее религиозных корней был незаметно придан утилитарный оттенок", и "если та полная интенсивной религиозной жизни эпоха XVII в. что-то и завещала своей утилитаристски настроенной наследнице, то прежде всего, безупречно чистую совесть (которую с полным основанием можно назвать фарисейской), сопутствующую наживе, если только эта нажива не выходит за рамки легальности" [3].

Сам ход этой эволюции Христианства, по Веберу, состоял из четырех основных этапов. Их подробное изложение можно подчерпнуть из самой книги Вебера. Ниже приводим краткий список основных этапов и их результат.

1. Критика монашеского образа жизни и рост «морального значения мирского профессионального труда и религиозного воздаяния за него». По мнению Лютера, "монашеский образ жизни не только бессмыслен для оправдания перед Богом, но и являет собой лишь порождение эгоизма и холодного равнодушия, пренебрегающего мирскими обязанностями человека. Мирская же деятельность, напротив, характеризуется им как проявление христианской любви к ближнему" [3].

2. Догмат кальвинизма «об избранности к спасению». Если говорить о нем вкратце, то "Бог решением своим и для проявления величия своего predetermined) одних людей к вечной жизни, других присудил (foreordained) к вечной смерти". По Кальвину совершенно немислимо "полагать, что заслуги или проступки людей оказывают влияние на их судьбы". Поскольку по Кальвину "решения Бога изначальны и не подвержены изменению,

божественное милосердие в такой же степени не может быть утеряно теми, кому оно дано, в какой оно недостижимо для тех, кто его лишен" [3]. Это учение о предопределенности к спасению, и следующая за ней мысль о возможном избранничестве к спасению, допускавшая возможность спасения в одиночестве (и тем самым, духовно разъединявшая людей) и была основной (решающей) для последующей трансформации ценностей.

3. Как понять: избран ли я? Вебер пишет: "Рано или поздно перед каждым верующим должен был встать один и тот же вопрос, оттесняющий на задний план все остальное: избран ли я? И как мне удостовериться в своем избранничестве?" Ответ на этот вопрос со временем стал претерпевать существенное изменение. В общем случае речь шла "о двух взаимосвязанных типах душеспасительных назиданий". "В одном случае верующему вменяется в прямую обязанность считать себя избранником Божиим и прогонять сомнения как дьявольское искушение, ибо недостаточная уверенность в своем избранничестве свидетельствует о неполноте веры и, следовательно, о неполноте благодати." "Второй способ состоит в том, что в качестве наилучшего средства для обретения внутренней уверенности в спасении рассматривается неутомимая деятельность в рамках своей профессии. Она, и только она, прогоняет сомнения религиозного характера и дает уверенность в своем избранничестве" [3].

Теперь совершенно очевидно, что результатом первых трех этапов этой эволюции Христианства, явилось повышение религиозной роли "мирской профессиональной деятельности", которую теперь можно рассматривать "как самое верное средство, снимающее состояние аффекта, порожденное религиозным страхом", поскольку "**эти добрые дела необходимы**" "**не для завоевания блаженства**", а "**как знак избранничества**". Они служат "техническим средством" "для того, чтобы побороть страх перед тем, что ждет человека после смерти" [3].

Вот так произошло это решающее изменение — "преобразование аскезы (духовной практики) в чисто мирскую аскезу", так сформировался "этот требуемый религией, отличный от "природного" существования, особый уклад жизни святых", который "теперь складывался не вне мира в монашеских организациях, а *внутри* мирского устройства". Так возникла "*концепция профессионального призвания* аскетического протестантизма", следствием которой стала "*рационализация* жизни в мире, ориентированная на потустороннее блаженство" [3].

Эта «мирская аскеза», в силу того, что она определяла не просто поведение отдельного человека, но «национальный характер», порождала повсеместное стремление к установлению более эффективных форм хозяйствования, основанных на специализации труда. Это придало существенный импульс экономическому развитию всей Европы того времени и способствовало росту богатства, но, тем самым, привело к возникновению еще одной, этической для верующего человека проблемы, которую не возможно было обойти без эволюции религиозной культуры (четвертый этап эволюции).

4. Преодоление этической проблемы накопления богатства. Вот что пишет Вебер. По мнению пуританских деятелей «богатство как таковое таит в себе страшную опасность, искушения его безграничны; стремление к богатству не только бессмысленно по сравнению с бесконечно превышающим его значением царства Божьего, но вызывает сомнения и нравственного порядка» [3]. Однако, пишет Вебер далее, подлинное «этическое значение и обусловленность» «этих свидетельств» «выявляются лишь при более внимательном изучении». «Морального осуждения достойны успокоенность и довольство достигнутым, наслаждение богатством и вытекающие из этого последствия — бездействие и плотские утехи — и прежде всего ослабление стремления к «святой жизни». И только потому, что собственность влечет за собой эту опасность бездействия и успокоенности, она вызывает сомнения. Ибо «вечный покой» ждет «святых» в потустороннем мире, в земной жизни человеку, для того чтобы увериться в своем спасении, должно делать дела пославшего его, доколе есть день» [3].

«Не для утех плоти и грешных радостей, но для Бога следует вам трудиться и

богатеть». Таким образом, «богатство порицается лишь постольку, поскольку оно таит в себе искушение предаться лени, бездеятельности и грешным мирским наслаждениям, а стремление к богатству — лишь в том случае, если оно вызвано надеждой на беззаботную и веселую жизнь. В качестве же следствия выполнения профессионального долга богатство морально не только оправдано, но даже предписано» [3].

Итак, поскольку «всю силу удара аскетизм направляет» «на непосредственное наслаждение жизнью и всеми ее радостями», на то, чтобы «сократить потребление, особенно когда оно превращалось в излишества», но не на накопление богатства «во славу Божию», то роль, которую сыграла «мирская аскеза протестантизма» в становлении «духа капитализма» состояла еще и в том, что она **освободила «приобретательство от психологического гнета традиционалистской этики»**, разорвала «оковы, ограничивавшие стремление к наживе», превратив его (приобретательство) «не только в законное, но и в угодное Богу (в указанном выше смысле) занятие» [3].

Так оказалось, что «рациональное и утилитарное использование богатства на благо каждого отдельного человека и общества в целом» «угодно Богу» и этим, в ходе эволюции религиозной культуры, была преодолена этическая проблема накопления богатства. Теперь «аскеза требовала от богатых людей не умерщвления плоти, а такого употребления богатства, которое служило бы необходимым и практически полезным целям» [3].

Ценности современного капитализма

Предметом анализа на экзистенциальном слое является эволюция ценностей, то, каким образом она влияла на социально-экономические процессы, и как социально-экономические процессы способствовали изменению ценностей. Вебер нам показал, как в ходе эволюции религиозной культуры на территории Западной Христианской Церкви, возникли новые ценности, которые стали «могущественным фактором в распространении» капитализма. Несомненно, и Вебер подчеркивает это, сам по себе «капитализм как хозяйственная система» не мог быть «продуктом Реформации», речь идет лишь о том, какую роль сыграло «религиозное влияние... в качественном формировании и количественной экспансии «капиталистического духа» [3]. Теперь, благодаря Веберу, мы видим, что это «религиозное влияние», несомненно, имело место, и можем понять «какие конкретные стороны сложившейся на капиталистической основе культуры восходят к этому религиозному влиянию». Это «методичная профессиональная деятельность» как знак избранничества и «накопление богатства» во славу Божию.

То, как эти ценности капитализма распространялись далее по всему миру - увидеть не сложно. Капитализм, мы это знаем из экономической теории, сам по себе, для поддержания своего баланса, требует постоянной экспансии: географической, демографической, инновационной. Тем самым, сформировавшаяся под влиянием протестантской религиозной культуры система капитализма, оказалась достаточно агрессивной: «в стремлении убедиться в избранничестве к спасению, и во славу Божью» [3], а именно, в целях постоянного роста богатства, она оказалась «орудием», которое распространило своё влияние на те территории, где исторически доминировали другие религиозные культуры. Очевидная привлекательность капитализма, перед которой не устояла ни одна нация, ни одно государство, и которая определила ту историческую неизбежность, с которой он распространился по всей земле, — его мощь, богатство, производительность; поистине — в современной миросистеме не существует более эффективного способа организации производства чем капитализм со всеми его институтами — рыночной экономикой, правами человека, демократией.

Со временем, по мере того как территориальная агрессия капитализма оказывалась ограничена, для поддержания баланса в капиталистической системе требовался «культ потребления»; так возникла концепция государства всеобщего благосостояния, а в самой капиталистической культуре тем самым добавился третий (в дополнение к двум указанным Вебером) тезис — «потребляй и наслаждайся!». Как же очевидно всё лукавство этой эволюции религиозной культуры, когда шаг за шагом прежде декларировавшиеся «с благими

намерениями» ценности, со временем размывались, и на их место выдвигались новые ценности, противоречащие своим предшественницам! Так мы и получили три культурных столпа современного капитализма – три его ценности (установки): «методично работай», «богатеи всеми законными способами», «потребляй и наслаждайся!». Сам капитализм, при этом, отбросил свои религиозные корни и «судорожные попытки обрести царство Божье» постепенно растворились «в трезвой профессиональной добродетели» [3].

Ценности (установки) капитализма, как оказалось, очень легко проникали в души людей, и прочно там закреплялись. Кто-то сам отдавался им со всей страстью, кто-то вынужден был принять их. Этому, несомненно, способствовали такие психологические слабости людей как «зависть», «страх», «уныние», задетая «гордость», порожденная «обида» и т.п. и т.д., но, также несомненно и то, что закреплены и развиты они были такими чертами капитализма как его мощь и богатство. Еще там, на заре становления капитализма, когда его религиозные корни были «во Славу Божью» и «ради Спасения», были высказаны опасения, что «где растет богатство, в той же мере уменьшается религиозное рвение», «где увеличивается богатство, создается благодатная почва для гордыни, страстей и привязанности к мирским радостям жизни во всех их разновидностях», «в результате этого сохраняется лишь форма религии, но дух ее постепенно исчезает. Неужели же нет такого средства, которое могло бы предотвратить этот непрекращающийся упадок чистой религии?»⁹.

Теперь мы видим, что эти опасения сбылись. Там, где национальная религиозная культура не обладала иммунитетом к ценностям капитализма, **капитализм сам становился религией**. Через мощь и богатство, он воздействовал на человеческие слабости, и **заставлял** принимать свою веру (свои ценности). Как говорит Вебер, если «пуританин *хотел* быть профессионалом, мы *должны* быть таковыми» [3]. Пути порабощения были разные. Одни, обладающие достаточным богатством и благополучием, сами с радостью бросались навстречу страстям, потому что ни в чем другом не видели смысла жизни. Другие включались в капиталистическую гонку, потому что необходимо было выжить, а потом соблазнялись «мирскими радостями жизни во всех их разновидностях», и застревали в ней надолго. Третьи, увлеклись погоней за богатством, а вместе с ней - стремлением к славе, карьерному успеху и власти. И если сама по себе «профессиональная деятельность» опасности для порабощения не представляет, то страсти, порожденные «богатством» и «наслаждением» прочно проникали в душу человека, закреплялись там и видоизменяли её. Совершив поступок под влиянием слабости (соблазнившись «богатством» или «наслаждением»), и не найдя ему твердой порицательной оценки (в себе или в окружающих), даже наоборот, увидев из окружающего мира, что «это нормально, так можно делать, так делают все», способность человека сопротивляться этой слабости и вовсе исчезала. Вместо этого сопротивления, возникало положительное подкрепление поступка опытом, воспринятое чувство страсти в результате поступка декларировалось *очевидной* выгодой (полезностью) от поступка, а сам поступок постепенно становился поведенческой нормой. Когда же чувственное наслаждение пресыщало человека, и возникал трезвый вопрос о смысле жизни – внутри уже измененной поступком человека (и нераскаянной)¹⁰ его сущности, возникал логичный ответ – «профессиональная деятельность» и «богатство»¹⁰.

Под воздействием страстей и положительного подкрепления поступка опытом, у человека не только «выжигалась» душа (огрубевало сердце), которая отныне всё дальше удалялась от совести и способности переживать глубокие чувства, но формировалось особое устойчивое мировоззрение, которое делало его защитником капиталистических ценностей. Страсти возводились в разряд «великого», а понятия о грехе, духовности и Спасении уходили в прошлое. Возникал образ, применительно к которому слова Вебера становятся пророческими: «Бездушные профессионалы, бессердечные сластолюбцы — и эти ничтожества полагают, что они достигли ни для кого ранее не доступной ступени человеческого развития» [3].

Выбор России

Экзистенциальный (смысловой) слой событий существует за границами обыденного рационального восприятия человека, - то, что называется «читать между строк». Доступ к нему возможен через понимание множества человеческих смыслов – через изучение устройства психики человека, религиозных мировоззрений и различий между ними, через осуществлённую духовную практику. Способность видеть экзистенциальный слой – это определенное умение/навык. Несмотря на все эти трудности, воспринимаемая суть экзистенциального слоя соответствует критериям научного знания. Она требует использования метода, и результат применения метода, при его повторении, – будет объективен. Вместе с тем, различие в результатах восприятия - вызвано различными методами, используемыми исследователями, в том числе различной «точкой связи», различными духовными практиками (опытом, путем развития), различиями того самого ценностного (смыслового) характера, в котором мы и разбираемся. Получается, что различия в восприятии экзистенциального слоя событий вызваны исходным различием в понимании смыслов. Это и есть современная трактовка научной рациональности – «субъект воспринимает самого себя»¹¹, а его «точка связи» существует на вере. Внимательный анализ различий, если только люди захотят их обсуждать, позволяет увидеть, что всегда возникнут две-три принципиально различных группы «смыслов», а это – не так уж и много. Проблема в том, что наука из-за возникающей неопределенности не любит заниматься этими «смыслами» и обходит их, а зря. Неопределенность, нечеткость результата, допустимые различия в интерпретации – не повод, чтобы отрицать результат, но основа для научных дискуссий. Практическая применимость результата - наработка навыка принятия решений на основе того видения экзистенциального слоя событий, за которое принимается ответственность. Именно для этого наиболее пригоден экзистенциальный слой, именно для принятия решений и ответственности за них, нежели для пустой болтовни и споров о нём с пеной у рта.

Если абстрагироваться от деталей, и осмыслить всю представляющуюся нашему взору историю развития капитализма, с учетом экзистенциального слоя, что мы увидим?

Во-первых, очевидно наличие некоторой силы (тенденции), осуществляющей эти исторические изменения. Сила эта не подвластна воле ни одного человека, скорее люди, особенно обладающие властью и оказывающие судьбоносное влияние на ход истории, выступают в роли актёров. Здесь мы сталкиваемся с подходом, подобным тому, который описывал Л.Н. Толстой в романе «Война и мир», когда характеризовал причины «исторических событий»¹².

Во-вторых, сила эта получила своё распространение через критику и отрицание смысла монашества Католической Церкви, - с этого началась Реформация. Безусловно, для этой критики наверняка был повод. Но и сама критика, как мы видим по последствиям произошедшей эволюции, только «подлила масла в огонь». Отсюда вытекает закономерный вывод о роли монашества в жизни общества, которое, своим аскетизмом – постом, исповеданием, причастием и др. – является крепостью, сохраняющей в себе истинные Христианские ценности.

В-третьих, мы видим последствия её воздействий - начав во имя «спасения», затем, за несколько веков, незаметно, но неуклонно, эта сила настолько изменила уклад жизни Западного Христианского общества, что религиозные корни оказались отброшены в прошлое, а «внешние мирские блага... завоевали... такую власть, которой не знала вся предшествующая история человечества» [3]. Современный капитализм опирается не на Христианство, но на ценности эпохи Просвещения - рациональность, права человека, свободу (вседозволенность в рамках закона), демократию. Теперь уже Церковь двигается (вынуждена двигаться) вслед за капиталистической системой, выполняя в ней сугубо мирскую функцию - функцию корректора капитализма с точки зрения морали и нравственности. Хотя, если внимательно взглянуть в догматы Христианства – совсем не в мирской деятельности состоит предназначение Церкви. Теперь, «пастырем народов» стала

система капитализма. А мы, забыв Христианство, уткнулись в потолок смысла, очерченный ценностями эпохи Просвещения. Произошла любопытная рокировка – внешние мирские блага очень глубоко спрятали духовные ценности, в лучшем случае подменили их интеллектуальными и морально-нравственными.

И, наконец, в-четвертых, мы видим действие этой силы в современном мире – в тенденциях современности, о которых надо сказать особо. Тут уже не просто «права человека и свобода в рамках закона», но то, как они используются для пропаганды разврата и безграмотности – через компьютерные технологии, СМИ и интернет. Например, 150 лет тому назад Толстой описывает Элен Курагину, во время посещения оперы в Большом театре: «у неё *абсолютно* голая грудь». Что может понять наш современник, представляя эту картину? Слова «абсолютно голая грудь» – мы уже понимаем буквально и это нас уже не особо смущает, во времена же Толстого это даже не подразумевало то, что мы понимаем сейчас. Или другое, подобного рода – решила молодежь в Нью-Йорке флэш-моб устроить – голыми, в трусах, в метро прокатиться. Нормально? Да, у нас есть на это право – отвечают ценности современного мира. Как с ужасом восклицал Достоевский, устами своего героя: «Неужто всё дозволено?»¹³. Всё дозволила эта сила: это и разрешения на аборты, и сожительство, и однополые браки, и суррогатное материнство и другие «новшества» современной цивилизации. Следствием действия этой же силы являются и танцы в Церкви и информационная атака на Церковь – вспомним вывод о роли монашества в жизни общества, и внимательнее перечитаем «Бесов» Достоевского.

Сила и система объединились – и управляют эволюцией в одном, ведомом только им направлении. Мы же, живем в общем мире и можем делать свой выбор – принимать или не принимать эту эволюцию. В этих условиях, необходимо, чтобы мы сделали свой выбор осознанно.

То, что Россия не породила эту систему капитализма со всеми её ценностями, а была втянута в нее, является очевидным. В «Википедии» написано, что капитализм в России распространился в 1830-1840 годах, мощнейший импульс был дан крестьянской реформой 1861 года. И. Валлерстайн [2] указывает, что капитализм в России распространился в 18 веке (видимо указание на реформы Петра 1 и их последствия). При этом, на момент когда Россия оказалась втянута, она была уже вполне сформировавшимся государством (мир-империей, как называет её Валлерстайн), с территорией сопоставимой её нынешним границам, сильной армией, своим административным устройством и укладом жизни, сформировавшимся под влиянием религиозной культуры Восточной (Православной) Христианской Церкви.

То что, дух Православия и дух капитализма – несовместимы между собой, что ценности Православия способствуют формированию того самого «традиционалистского уклада жизни» и потому прямо противоречат ценностям современного капитализма, тоже является очевидным. Вот что говорит Православная Церковь (словами богослова Осипова А.И.) о смысле жизни. «Смысл состоит в соединении, в духовном единении с Богом. Не даров от Бога мы ищем, а самого Бога».¹⁴ «Тот, кто ищет даров от нас, а не общения с нами – как мы его назовем? Паршивец». В капитализме всё направлено на дары – на «хлеб земной», а Православие говорит о «хлебе небесном».

И еще. Православие говорит - **«увидеть себя грешным – первейшая задача человека»**. «Трудно человеку, не поставившему своей целью жизнь по Евангелию, увидеть себя грешником». «А кто не увидит себя грешником, тому Христос – не нужен». Поэтому в Православии ценностью является пост, молитва и мысли о «горнем» (чтение Священного Писания и Святых отцов) - всё это для того, чтобы увидеть свою греховность. Совместить это со стремлением к потреблению и наживе, со стремлением к возвеличиванию себя в результате профессиональной деятельности - невозможно. Разделив эти ценности капитализма, и всей душой устремившись к ним, мы никогда не увидим своей греховности¹⁵, и напротив, приняв ценности Православия, наша мирская жизнь будет более сдержанной, особенно в погоне за славой, богатством и потреблением.

Теперь из вышесказанного становится очевидным, что капитализм является орудием,

направленным против ценностей Православной Церкви. Сила, которая извратила христианские ценности на Западе, аналогичным образом хочет заместить ценности Православия своими ценностями в как можно большем числе людей. Её задача состоит в том, что надо поработить тела, чтобы затем разрушить дух. Орудие порабощения тела – ценности капитализма - «хлеб земной», материальное благосостояние, в погоне за которым человек переступает границы дозволенного, а «делающий грех - рабом греха становится». Именно так, через наши поступки, без всякого оправдания им немощью тела и внешним воздействием, капитализм способствует подмене ценностей и разрушает дух. В подавляющем большинстве случаев, это воздействие остаётся не осознаваемо человеком. В достижении своей цели, сила эта проявляет такое же лукавство, как мы видим в описанной Вебером эволюции западной религиозной культуры.

Теперь мы подошли к главному выводу всей статьи. До тех пор пока 50-70% граждан России крещены в Православной Церкви, пока действует русское монашество, храмы, Церкви. Пока происходят ежедневные литургии, исповедь и причастие, мы все - Православные (пусть только крещеные, и забывшие про это, как малозначимый будто бы факт) - сохраняем возможность духовного возрождения. Наш дух разрушен, но не утерян, - несмотря на искушение ценностями капитализма, мы не отказывались от ценностей Православия.

Это состояние, в котором мы (русский народ) сейчас находимся – состояние духовной принадлежности Православию при телесном рабстве в капитализме, - определяет некоторые особенности нашего поведения, которые, в современном мире, мы больше не встретим практически ни в какой другой стране.

Те, кто покрепче держится Православия, возможно, даже не в силу сознательного выбора в пользу Церкви, а по той причине, что отдален от власти (и таких, получается, большинство), цель в профессиональной деятельности, в условиях внутренне чуждой ему капиталистической гонки (в которой основное личное достижение в результате методического изобретения инноваций - это возвеличивание самого себя), не максимум прибыли (богатства), а как бы выжить, продержаться, м.б. получить должность и удержаться на ней, тем самым просто прокормить семью. Если Православные ценности индифферентны к институтам капитализма, то институты капитализма негативны к Православным ценностям - они мешают формированию свойственного для Православия «традиционалистского уклада», а потому Православный человек подсознательно чувствует этот негатив, и, не принимая чуждые ему институты, становится пассивным. Зачастую, его внутренний императив состоит только в достойном исполнении своих обязанностей на рабочем месте, а дополнительная инициатива, так необходимая капитализму для развития – отсутствует. При наблюдении со стороны, это выглядит как: безынициативность массы, невысокий уровень предпринимательской активности, склонность «просиживать штаны на работе». Сторонники капитализма тоже критикуют эти черты нашей нации, только смотрят они на это с другой, не Православной, колокольни. Они считают эти черты застойными элементами советского прошлого, а за благое дело считают заставить людей работать развитием институтов рыночной экономики, - развитием конкуренции (в т.ч. на рынке труда), повышением прозрачности, открытости экономики, минимальным перераспределением доходов (ростом социального неравенства) и т.д. и т.п. То есть, ввести 10-20% «пуритан» в обществе, создать соответствующие законы, механизмы, и тогда заставить всех остальных бежать за ними. А побежав, ох как всё сильнее начнет втягивать в грех (капитализм то на это не обращает внимания, он уже давно все разрешил – «всё дозволено»). Из этого как становится понятна задача «сберечь народ», первоначально высказанная А.И. Солженицыным, и впоследствии много раз – Патриархом Кириллом.

Те же, кто достаточно сильно поработен капитализмом (возможно просто иммунитет недостаточной силы, т.к. человек близок к власти), и слабо себе представляет христианский образ жизни (держится за Православие одним только мизинчиком, а всё никак не решится начать жить по-христиански), цель - максимум богатства при отсутствии должных

ограничений, превращается в воровство, – отсюда жуткая коррупция, которая нас охватила. Это испытание - судьба любого человека, оказавшегося у власти в 90-е, 2000-е. При отсутствии внутренних (само)ограничений (духовного иммунитета), отсутствие внешних границ при слиянии с властью естественно порождает злоупотребления. Тем не менее, с позиции Православия, лечить это следовало бы не столько наведением «железного порядка» в государственной власти – наказаниями коррупционеров и принуждением к порядку (хотя и это должно быть, как пример, тон, который задает высшая власть), а формированием соответствующей культуры, христианского образа поведения, если хотите, через взывание к совести, и понуждения чиновником самого себя к христианской жизни. А, следовательно, и понимания, что воровство - это грех. Воруя, я делаю хуже, прежде всего себе. И грех, это не только воровство. Аргументом за такой добровольный выбор в пользу остановки воровства может служить мысль Достоевского: «Бог хочет нашего свободного выбора к нему, а не принуждения к любви», «Не раб ему нужен, а свободный человек»¹⁶. Именно этот важнейший аргумент отличает путь России от пути Запада. Если же мы не справимся с коррупцией по собственной воле, грош нам цена, тогда – не восстановим духовность, и пойдем на все четыре стороны. Итак, в вопросе коррупции – не ругань на власть, а немного терпения. Всё правильно происходит.

Еще одна особенность связана с централизованным государством, с тем, что никак не встаёт у нас демократия, отсутствует потребность в развитой судебной системе и защите прав человека по западному образцу, - тот самый «феномен Путина», который проявился в первом десятилетии 21-века. «Царь есть раб истории. Сердце царево в руке Божьей» - эти слова Л.Н. Толстого из «Войны и Мир» звучат сейчас, как нельзя кстати. Есть мнение, что Путин, своими реформами - укреплением вертикали власти и административным вмешательством государства в экономику убил вроде бы только что зародившиеся рыночные институты и частное предпринимательство (по крайней мере, сильно осложнил им жизнь). Но чтобы правильно интерпретировать суть исторических событий, надо смотреть в глубину – в их смысл, ценности, в экзистенциальный слой. Интерпретация этих событий с учетом указанных выше противоречий между духом капитализма и духом Православия позволяет выдвинуть гипотезу: убиты не институты, а капиталистический дух с ними связанный, и смысл этого состоит только в том, чтобы через года или десятилетия возродился дух другой, русский, исконно российский, тесно связанный с нашим народом и его экзистенциальными ценностями; дух, хранителем которого является Православная Церковь. Применительно к этой гипотезе, звучит очень актуально вопрос о «национальной идентичности», поднятый на Валдайском дискуссионном клубе. Какие еще экзистенциальные ценности, кроме тех, которые сохранило для нас Православное монашество, мы имеем? **Каждый из нас должен самоидентифицироваться на уровне ценностей и смысла.**

Без определения ценностей и смысла, развития российской экономики не будет еще и потому, что, не имея религиозного иммунитета, невозможно выдержать сваливающееся на наши плечи богатство и при этом не соблазниться грехом. Вот, многие говорят, что высокая монополизация экономики – основная экономическая проблема России, именно она мешает экономическому развитию. Так устрани её и куда мы двинемся? Прямо в лапы ценностей капитализма. Это «наилучший сценарий» Бжезинского. Поэтому высокая монополизация (и централизация власти, и оттого - все наши репрессии и беды) – это не проблема, а наоборот – наш ресурс, который помогает нашему народу найти правильную лазейку в историческом ходе событий, и сделать верный выбор. Судьбоносный наш крест, выдержав который, и приняв за него ответственность, снизойдет на нас озарение, и мы, отряхнув одежды от пыли, твердо встанем на ноги.

Поставленная России в 90-х годах американская модель капитализма не прижилась. «Феномен Путина» свидетельствует - вместо того, чтобы последовательно её совершенствовать, мы пошли каким-то своим путем. Почему? Это мы (власть и народ) такие не развитые и отсталые, что в наших руках эта американская модель извратилась, и мы оказались не способны с ней совладать? Тогда надо власть поменять, а народ принудить жить

по-западному. И все будут «счастливы». Это выбор Бжезинского.

Но нет, если мы посмотрим туда – в корни Православной культуры, которые совершенно другие и мы духовно держимся за них, то поймем, что наша Россия не может функционировать (развиваться) в условиях институтов, сформированных на территории, где доминирует Западная Христианская Церковь. Просто потому, что культурные, религиозные ценности принципиально различны.

Из этого различия и следует выбор, перед которым мы стоим. Либо в соответствии с Бжезинским, и тогда - «долгой эту Православную Церковь» и «да здравствует капитализм!», окунемся в него со всей страстью! Хлеб, зрелища и «все дозволено» - любое чувственное наслаждение, в любых пределах (но только в рамках закона!!!) (да и закон мы со временем переделаем, вспомним про нынешние однополые браки...). И этот девиз «долгой» - двигал толпой в 2012 году, когда произошла информационная атака на Церковь, – естественно, что это подсознательные, нецентрализованные, каналы управления толпой, основанные на том что «делающий грех, рабом греха становится».

Либо, чисто русский, основанный на ценностях и культуре Православной Церкви. Выбор пути развития экономики и общества через развитие Православной культуры и духовности. И вот здесь, мы можем найти мощнейший ресурс. Говорят, что Ключевский сказал: «без Православия русский народ не поднялся бы от Монголо-Татарского ига»¹⁷. Поскольку институты капитализма для Православного человека не предназначены, то, забыв свою религию и работая на светское государство, он оказался оторван от духовных корней своих, и тем самым была подрублена его способность генерировать новое, создавать инновации. Напротив, укрепившись в корнях, и подогнав институты капитализма под более адекватные этой культуре, может произойти прорыв и расцвет. Вокруг которого произойдет не просто подъем экономической мощи России, но объединение Евразийского пространства с участием/на базе России и Православия.

Итак, для экономической эффективности и дальнейшего развития мы должны обратить внимание на Православие, и с его помощью обрести религиозный иммунитет. Это позволит нам: 1)восстановить институт семьи и преодолеть демографический кризис; 2)повысить роль чести, достоинства, духовности в экономической деятельности человека; 3)повысить эффективность управленческих структур (прежде всего государства) за счет изменения организационной культуры и внедрения других ценностей и смысла; 4)не на словах, а на деле повысить уровень образования и воспитания подрастающего поколения; 5)снизить степень нашей зависимости от материальных благ и развлечений, и высвободить ресурс для интеллектуального и духовного развития человека.

Обретение этого религиозного иммунитета потребует глубокого переосмысления ценностей и смены мировоззрения. И это исторический процесс, имеющий длительность в несколько поколений. Но он является неизбежным, если мы хотим, как страна, существовать далее.

Принципы экономической стратегии

Являясь частью мировой экономической системы, Россия находится в вассальных, зависимых, условиях, во многом аналогичных средневековому положению покоренных народов. Мы, как и все другие крупные страны, платим «дань» Соединенным Штатам Америки. Технология взимания этой дани настолько искусна, что никто не может с ней ничего поделать, хотя все о ней говорят¹⁸. Современная экономическая система основана на одном эмиссионном центре – долларе, и это позволяет США собирать с участников системы своеобразный «налог» за экономическое развитие, причем совершенно легально.

На этом «налоге» мы теряем приличный ресурс, который могли бы использовать для своего развития. По тому, как сейчас развивается экономическая ситуация, всё более актуально мнение, что перспективы этой системы для нас уже исчерпаны¹⁹.

С другой стороны, то, что нам надо, - это развитие образования, инвестиции в человеческий капитал, создание собственной, независимой, научно-промышленной базы. Это

понятно каждому, но не делается, более того — некоторыми управленческими воздействиями наносится очевидный вред. Вплоть до уже не выгодной для нас политики осуществления экономических реформ по западным либеральным принципам (Вашингтонский консенсус). Это становится всё понятнее и понятнее, но рискнуть и отойти от этих принципов – страшно. На политическом горизонте нет ни команды, ни внятной, научно-проработанной альтернативы, за которую команда была бы готова взять ответственность.

Именно здесь, по этому направлению, — ресурсы и политика, должна быть перехвачена инициатива, и это событие может произойти только в результате исторического процесса. Революционно изменить ситуацию — невозможно, любая попытка подобного изменения приведет к прямо противоположным результатам (это мы видели в истории уже много раз); этот исторический процесс имеет эволюционный характер — он должен вырваться естественным путём, и по тому, что происходит, видно, что он уже развивается. Обретение религиозного иммунитета россиянами это то, что более всего способствует наступлению этого события.

Поворот в экономической политике, начавшись с образования и науки, должен будет затронуть и другие отрасли экономики. Для того, чтобы обеспечить отдачу на инвестиции в человеческий капитал мы должны создать условия для развития промышленности. Если образование и наука создадут технологии и квалифицированный персонал, то потенциал подъема промышленности будет ограничен только наличием рынков сбыта. Стимулирование внутреннего спроса позволит реализовать этот потенциал, а движущей силой (мотивом) для этого подъема (помимо финансовой составляющей), должен стать особый внутренний смысл, дух, - активность, способствующая этому подъему так или иначе должна содержать в себе Православные ценности. Прежде всего, этот особый внутренний дух должен присутствовать в структурах государственной власти. Без него – не сможем сделать; из-за неэффективности застрянем на полпути, а потом завалимся. Правильное на словах, не превратится в правильное на деле.

Государству отводится определяющая роль в этом подъеме, оно должно выступить его режиссером - лидером, инициатором. Это обуславливает необходимость возврата к долгосрочному планированию экономики и снижению роли рыночных механизмов в перераспределении ресурсов. Выводы относительно экономических причин распада СССР должны быть пересмотрены. Не плановая экономика оказалась неэффективной, а дух, который главенствовал – исчерпал себя. Никто не будет убивать рынок, но эффективная государственная организация рынка будет необходима.

В международной торговле, мы также должны сменить приоритеты. Вместо того чтобы включаться в мировую инновационную гонку, мы должны защитить свои рынки, т.е. осуществить замещение импорта отечественными товарами. Сейчас это практически невозможно, и, прежде всего, по причине нашей нужды в более качественных импортных потребительских товарах. Инновационные прелести современной цивилизации, которые соблазняют нас своим «ласковым светом» – вот то, чего мы желаем сейчас, и что забирает наши ресурсы, не позволяя переориентировать внутренний спрос без повышения социальной напряженности. Получается, что мы сами – наши потребительские предпочтения, определяют ту ставку, которую мы делаем против своей страны, своего собственного развития. Но изменение предпочтений позволит высвободить ресурс. Как только эти потребительские новинки и развлечения перестанут соблазнять наш глаз, мы сможем заместить значительную часть импорта. Там действует механизм соблазна, и потому обретение духовного иммунитета позволит разоблачить эту иллюзию удовольствия и переориентировать внутренний спрос.

Изменения должны затронуть и финансовый сектор. Не умаляя роли банков и фондового рынка в эффективном перемещении капитала между отраслями, мы должны понимать, что преобладание нефинансовой мотивации – вот что является отличительной чертой этой новой экономической конструкции, её конкурентным преимуществом²⁰. По этой причине, избытки сбережений, которые являются основой современных дисбалансов и

экономических кризисов, мы должны перераспределять более активно. Взяв ответственность за экономическое развитие и благосостояние всех членов общества, государство имеет право требовать особый ресурс для этого – прогрессивную шкалу налогообложения и достаточно большой уровень изъятия излишков. «Традиционалистский уклад жизни» и нефинансовая мотивация к развитию позволят не допустить снижения экономической эффективности и последующего за тем спада. «Дух капитализма» не позволял об этом даже мечтать; мы же, сделав это, сможем отказаться от необходимости балансировать систему искусственным повышением темпов роста ВВП за счет надувания финансовых пузырей.

То, что там, в конце, после периода последовательных эволюционных изменений, есть равновесие (равновесие потребностей и продуктов, в т.ч. инвестиций/сбережений), и что это равновесие динамически устойчиво – интуитивно ощущается, но без Православных ценностей оно не достижимо (а если и достижимо, то не устойчиво). Поэтому религиозный иммунитет и некоторая особая духовная общность – центральный ресурс, вокруг которого возможно возникновение такой системы.

Если мы сможем это сделать, если в опыте убедимся, что Православие и эффективная организация российского общества взаимосвязаны, - мы окажемся свидетелями формирования нового, уникального сознания. Станет несомненным, что религиозный иммунитет это источник развития, а Православие – особый духовный ресурс. Несмотря на то, что мы – многоконфессиональное государство, и продолжим оставаться таковым, большинство россиян – крещены в Православной Церкви, и исторически – Россия это дом русских. Те, кого мы впустили в общий дом – должны с уважением принять и разделить религиозные корни (истоки) этого государства, без ущемления их собственных прав.

Чтобы всё это произошло, мы должны чётко понять кто тот враг, благодаря которому мы упали и теперь не можем подняться с колен. Каждый из нас впустил его в свой дом, и потому наш дом — оказался разрушен. Мы не должны питать иллюзий, относительно поверхностного характера этого врага. Мы не должны указывать пальцем на что-то внешнее. Должны увидеть всю глубину, с которой он пустил в нас свои корни. И понять, что только с помощью Православной Церкви, через обретение собственной веры, мы – россияне, сможем его одолеть.

Литература:

1. Бжезинский Зб. Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы. - М: Изд-во Международные отношения, 2010 год. – 256, с.
2. Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. - М: Изд-во Университетская книга, 2001 год. – 416 с.
3. Вебер М. «Протестантская этика и дух капитализма». 1905 / цитирование по изданию: Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма. М.: Ист-Вью, 2002. – 352 с.
4. Генкин Б.М. Основания экономической теории и методы организации эффективной работы / М: Норма, 2007. – 400 с.
5. Независимая газета от 19.12.2011. Статья «Патриарх внес ясность в позицию РПЦ по поводу протестов общества» / цитирование по электронному ресурсу http://www.ng.ru/politics/2011-12-19/1_rpc.html
6. Немцов Б. и др. «Путин. Итоги.» [электронный ресурс] <http://www.putin-itogi.ru/other/>
7. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой. Пер. с англ. Изд. 4-е, стереотипное. – М: Едиториал УРСС, 2003 – 312 с.
8. Трамп Д. Дж., Думавай как миллиардер. Всё что следует знать об успехе, недвижимости и жизни вообще / Дональд Дж. Трамп. – М.: Альпина Бизнес Букс, 2005. - 250 с.

¹ См. например «Независимую газету» от 19.12.2011. В статье «Патриарх внес ясность в позицию РПЦ по поводу протестов общества» указано: «В субботней проповеди в храме Христа Спасителя Предстоятель РПЦ отметил: "Сегодня массовые настроения людей определяются не Божией правдой, а информационными технологиями. Ими пользуются все, кто отстаивает свою человеческую правду. Мы знаем, до чего это доходит в некоторых странах, где снова проливается кровь. Как важно, чтобы мы, наследники великой России, прошедшие через страшные испытания XX века, сегодня оказались способными воспринять уроки прошлого и не повторять ошибки отцов, совершенные ими в канун 1917 года, не повторять ошибки тех, кто в 90-е годы круто менял жизнь нашего народа".» [5]

² См. например статью «Святые девочки» от 18.07.2012 на <http://grani.ru/blogs/free/entries/199084.html>

³ См. например обличительную статью на <http://yuriblog.ru/?p=6569>, и обратите внимание на особый, лукавый авторский стиль

⁴ О том, что это именно информационная атака – см. например интервью с Игорем Ашмановым <http://www.pravoslavie.ru/smi/56442.htm>

⁵ В комментарии в facebook от 5 мая 2014 года известный политолог, зав. кафедрой социологии международных отношений МГУ, профессор Александр Дугин прямо окрестил подобный ценностный уровень как «пляску бесов», в его комментариях речь шла контрасте между трагедией 2 мая в Одессе и развлекательной линией российского телевидения.

⁶ То, что Путин действует разумно, подтверждается событиями вокруг Украинского кризиса, поддержка его политики россиянами (согласно опросу проведенному «Левада центр» в апреле 2014 года его действия поддерживают 82% россиян, против 64% процентов годом ранее) свидетельствует, что ни о какой политической авантюре речи идти не может, Путин не потерял связь с реальностью.

⁷ Здесь я специально использую словосочетания «Западной Христианской религиозной культуры», «Западной Церкви», а не только «Протестантизм» или «Протестантскую (кальвинистскую) религиозную культуру» для того чтобы акцентировать внимание на единстве всего процесса эволюции религиозной культуры на Западе. Как говорит профессор Московской Духовной Академии Осипов А.И. «Католицизм – вот кто первый протестант»; «Католицизм и Протестантизм – это мать и дочь».

⁸ Вот как эта мысль подтверждается словами известного миллиардера Дональда Трампа: «Господь всегда находился в центре наших представлений о капитализме. Протестантская профессиональная этика живет и процветает, а стремление к благосостоянию является неотъемлемой частью нашей религиозной культуры: чем больше имеешь, тем больше можешь отдать» [8].

⁹ Эти слова принадлежат английскому протестантскому проповеднику, основателю методизма Джону Уэсли (1703-1791 гг), цитирование осуществлено по [3]

¹⁰ Безусловно, суть того, что мы описываем в этом абзаце, есть впадение в грех, и механизмы этого впадения гораздо более многообразны, чем мы могли бы описать в рамках данной работы

¹¹ Более подробно см. Пригожин, Стенгерс «Порядок из хаоса» [7]. В части 3, глава 7 подробно поясняется положение о том, что «реальность, изучаемая физикой, есть не что иное как конструкция нашего разума, а не только данность».

¹² «В исторических событиях так называемые великие люди суть ярлыки, дающие наименование событию, которые, так же как ярлыки, менее всего понимают связи с самим событием. Каждое действие их, кажущееся им произвольным для самих себя, в историческом смысле произвольно, а находится в связи со всем ходом истории и определено предвечно.» «Причин исторического события – нет и не может быть, кроме единственной причины всех причин. Но есть законы, управляющие событиями, отчасти неизвестные, отчасти нащупываемые нами. Открытие этих законов возможно только тогда, когда мы вполне отрешимся от отыскивания причин в воле одного человека, точно так же, как открытие законов движения планет стало возможно только тогда, когда люди отрешились от представления утверждённости земли.». Л.Н. Толстой, «Война и мир»

¹³ Ф.М. Достоевский «Братья Карамазовы»

¹⁴ А.И. Осипов, лекция «Духовные основы культуры» 2004 год, доступна на http://aosipov.ru/video/03_video_lektsii_a_i_osipova_kultura_i_istorija.html

¹⁵ капитализм и вовсе истребил понятие греха, но это не значит что греха нет, возможно мы не видим его

¹⁶ Фрагмент из Повести о великом инквизиторе, роман «Братья Карамазовы», в оригинале звучит как: «...свобода их веры тебе была дороже всего еще тогда, полторы тысячи лет назад...», «...вместо твердого древнего закона — свободным сердцем должен был человек решать впредь сам, что добро и что зло, имея лишь в руководстве твой образ пред собою...»

¹⁷ Цитата по Генкин Б.М. [4]

¹⁸ Речь идет о торговом дефиците США, который возник в результате того, что США выиграли конкурентную борьбу на рынке капитала и получили возможность не только привлекать огромные объемы иностранных инвестиций, но также просто расплачиваться долларовыми бумажками, за реальные товары.

¹⁹ И не только для нас. Выгоды от неё для всех других, кроме США, стран-участниц становятся всё меньше. Поэтому в ближайшем десятилетии становится актуальным вопрос об изменении мирового экономического порядка. Нужна альтернатива.

²⁰ Подобная мысль ранее была высказана в ходе дискуссии с академиком РАН, профессором Б.Н. Кузыком после пленарного заседания на Российском экономическом конгрессе-2013, г. Суздаль. Было сказано примерно

следующее: «В плане духовности, мы имеем конкурентное преимущество по сравнению с другими странами, и оно связано с Русской Православной Церковью».